

— Господин Жун Лин, судя по всему, вы человек прямой, но поступки ваши не столь однозначны. Не объясните ли, как оказались на «Переправе Восьми Бессмертных»?

Жун Лин сохранял спокойствие:

— Я просто проходил мимо. Встреча с госпожой Яньжань — чистая случайность.

— О? — Мо Цзюцзюнь приподнял бровь. — Тогда скажите, почему госпожа Яньжань и Юань Хан, следуя через «Переправу Восьми Бессмертных», наткнулись на окровавленную тушу? И как двое, не способных и курицу связать, раз за разом умудрялись ускользнуть от шайки разбойников, пересекая хребет за хребтом? Но больше всего мне любопытно вот что: когда вас троих захватили, у вас, господин Жун Лин, было при себе острое лезвие. Почему вы не перерезали сеть, не спаслись сами и не вызволили юную красавицу, а вместо этого помогли бежать Юань Хану?

Жун Лин уже приготовил ответ и не спешил:

— Я действительно встретил госпожу Яньжань случайно. Как она и Юань Хан оказались в горах и как нашли окровавленную тушу — мне неизвестно. Что до помощи Юань Хану... Мы с госпожой Яньжань оба бессильны. Логичнее было позволить ему спуститься и привести на помощь господина Цзыжана.

— Хм, — Мо Цзюцзюнь усмехнулся. — Понятно. А я-то думал, вы влюблены в Чай Яньжань и придумали всю эту историю, чтобы побыть рядом с красавицей!

Жун Лин вздрогнул, с трудом подавив волнение:

— Госпожа Яньжань — прекрасная девушка, но я ей не пара.

Мо Цзюцзюнь скользнул взглядом по растрёпанному курятнику, где несколько перьев колыхались на ночном ветру, и нахмурился:

— Каждый выбирает свой путь. Какая тут может быть «пара»? — Он сделал несколько шагов, и его чёрный силуэт вытянулся в лунном свете. Тихие слова долетели до Жун Лина, заставив его снова содрогнуться. — Павшая династия осталась в прошлом. Её величие было мимолётным, словно цветок, что расцвёл и увял. Даже самые знатные люди той эпохи стали изгоями. А вы, связавшись с ними, тоже обречены.

Мо Цзюцзюнь медленно обернулся. Его острый взгляд был подобен летящему клинку:

— На этом всё. Не говорите об этом Ажаню.

Жун Лин сухо сглотнул, рот его приоткрылся, но слов не последовало. Лишь когда серебряный венец и тёмные одежды Мо Цзюцзюня растворились в лунной тени, он наконец пришёл в себя.

Неужели Мо Цзюцзюнь... что-то знает?

В памяти Жун Лина вновь всплыло беспечное улыбающееся лицо. Даже будучи человеком умным, он не мог понять, что именно имел в виду Мо Цзюцзюнь. Если тот так любит Чай Цзыжана, зачем скрывать? Если не любит — зачем щадить? Ведь Мо Цзюцзюнь — племянник самого императора, а император и Великая старшая принцесса очень близки. Таким, как он, обычно проще убить тысячу, чем упустить одного.

Костёр в Пятом лагере оказался весьма кстати для генерала Хунмэня и его людей. Они срубили несколько больших деревьев на дрова, разожгли огонь ещё сильнее, раздобыли на месте масло и соль, натёрли куриные тушки и принялись жарить их на вертеле. Жирные птицы покрылись золотистой корочкой, с них капало на угли, вызывая весёлое шипение. От одного вида у Чай Цзыжаня разыгрался аппетит.

Юань Цюй, ещё не понёсший наказание за свои промахи, решил загладить вину. С почтительностью поднёс он брату и сестре Чай сочное куриное бедро, поданное солдатом. Увидев, как Чай Цзыжань без церемоний хватает угощение и впивается в него глазами, услужливо предупредил:

— Господин Цзыжань, осторожнее, горячо.

Чай Цзыжань, глядя на подобострастную рожу Юань Цюя, едва сдержал смех. Широко улыбнувшись, он дунул на дмящееся бедро, а заметив, как к ним приближается Мо Цзюцзюнь, заложив руки за спину, с силой выдохнул, брызнув слюной на мясо, и весело потряс им:

— Господин Цзюцзюнь, не желаете отведать?

Мо Цзюцзюнь ловко выхватил бедро, откусил — и лакомый кусок, который Чай Цзыжань с нетерпением ждал полдня, оказался в его рту. Чай Цзыжань, наблюдая, как тот с аппетитом жуёт, сглотнул слюну и спросил:

— Вкусно?

Мо Цзюцзюнь улыбнулся:

— Исключительно!

Чай Цзыжань, позабыв, что это его собственное бедро, рассмеялся:

— Моя слюна, видимо, пришлась вам по вкусу.

Мо Цзюцзюнь замер, вынул бедро изо рта и, насупившись, протянул его обратно:

— Ешь.

Чай Цзыжань фыркнул:

— У меня есть гордость.

— О? — Мо Цзюцзюнь прищурился. — Девяносто девять.

Чай Цзыжань: «...»

Под грозным взглядом Мо Цзюцзюня Чай Цзыжань не выдержал и сдался. Молча принял бедро, стараясь не касаться места, где тот откусил, и осторожно надкусил.

Мо Цзюцзюнь сказал:

— Девяносто девять.

«...» Чай Цзыжань, раз откусив, решил идти до конца. Он принялся рвать мясо, пока от сочного

бедрa не осталась одна кость. Глупо потряс он ею перед Мо Цзюцзюнем:

— Довольны?

Мо Цзюцзюнь провёл большим пальцем по собственной чувственной нижней губе и усмехнулся:

— Доволен.

Чай Цзыжань подумал: «Тебе доволен, а мне — нет». Он наконец понял, что именно не давало покоя Мо Цзюцзюню. Оказывается, тот, будучи человеком мелочным, всё ещё помнил, что не откусил от него девяносто девять раз. Чай Цзыжаню так и хотелось поступить по-мужски: перегородить путь Мо Цзюцзюню, уставиться на него и гаркнуть: «Давай, откуси от меня свои девяносто девять раз!» Но, положив руку на уже укушенное плечо, он лишь молча присел на корточки, подобно жалкому, обиженному щенку.

Безмолвно глядел он на Мо Цзюцзюня: «У-у-у, ты меня обижаешь!»

Мо Цзюцзюнь был в прекрасном расположении духа. Приподняв бровь, он устроился на ближайшем камне, чтобы получше рассмотреть жалкий щенячий вид Чай Цзыжаня.

Взгляд Чай Цзыжаня вдруг стал беспокойным. Увидев за спиной Мо Цзюцзюня чью-то тень, он в испуге отступил на несколько шагов, юркнул за заросший сорняками камень и, высунув оттуда полголовы, стал с злорадством наблюдать за Мо Цзюцзюнем.

Мо Цзюцзюнь беззвучно усмехнулся. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кто стоит за спиной. Генерал Хунмэнь тяжело хлопнул его по плечу:

— Молодец, вовремя подоспел! Не появись ты — я бы сам с братьями нагрязнул к тебе в гости поживиться.

Мо Цзюцзюнь похлопал ладонью по ближайшему камню. Генерал Хунмэнь, не церемонясь, уселся, взял у солдата жареную курицу и с размахом протянул её Мо Цзюцзюню:

— Держи, только с огня.

— Благодарю, — Мо Цзюцзюнь, проведя несколько месяцев в армии, не привык к излишним церемониям. Грубо оторвав половину, вернул её генералу. — В этом деле я ещё обязан поблагодарить генерала Хунмэня.

Генерал Хунмэнь грубо махнул рукой, разбрызгивая кусочки мяса, и властно провозгласил:

— Пусть между нами и десяток лет разницы, я всегда считал тебя младшим братом. Какая тут благодарность? Слишком официально. К тому же я приехал ради своего бестолкового сына. Разобраться с кучкой старых да слабых разбойников — сущие пустяки.

Чай Цзыжань, прячась в тени, помрачнел. Генерал Хунмэнь был приёмным братом его отца, так что по старшинству он приходился ему племянником. Если генерал Хунмэнь считает Мо Цзюцзюня братом, то, выходит, Мо Цзюцзюнь тоже его дядя.

Эта ужасная мысль напугала его на мгновение, и он попытался потихоньку улизнуть, пригнувшись. Но генерал Хунмэнь, обладая зорким глазом, заметил его и нетерпеливо поманил:

— Ажань, иди сюда.

Сердце Чай Цзыжаня подскочило к горлу. Боясь мощи Ладони железного песка, он всё же подошёл — и, как и ожидал, получил увесистый шлепок по плечу. Генерал Хунмэнь спросил:

— А Яньжань где? Девушке негоже одной по горам шляться.

Чай Цзыжань опешил — сестра же только что была тут. Оглядевшись и не обнаружив и Юань Цюя, он смущённо улыбнулся:

— Сестре, наверное, стало скучно, пошла прогуляться. Юань Цюй с ней, ничего страшного.

— Хм, — кивнул генерал Хунмэнь. Характер Юань Цюя он знал: хоть тот и был вспыльчив и склонен к убийству, но в целом человек неплохой. Заметив, как Чай Цзыжань отступает на шаг, генерал резко втянул воздух носом и шлёпнул его по плечу:

— Ты, паршивец, только и можешь, что позорить своего отца!

Чай Цзыжань не нашёлся, что ответить. Молча опустив голову, он бросил взгляд, полный надежды, на Мо Цзюцзюня. Тот же, восседая на камнях, делал вид, что не замечает его, и с изяществом уплетал вкуснейшую жареную курицу.

Чай Цзыжань, чей живот по-прежнему урчал от голода, пребывал в скверном расположении духа и мысленно клеймил Мо Цзюцзюня как лицемерного негодяя.

<http://bllate.org/book/15931/1424019>